

Космические серии Язепа Дроздовича

Ольга Архипова

Национальный художественный музей Республики Беларусь, ул. Ленина 20, 220030 Минск
Эл. почта arhipava@gmail.com

Статья знакомит с белорусским художником Язепом Дроздовичем (1888–1954), выпускником Виленской рисовальной школы, анализирует значительную часть его творческого наследия, посвященную жизни на других планетах. Анализ творчества Язепа Дроздовича показывает, как складывался феномен этой художественной личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Язеп Дроздович, Виленская рисовальная школа, «космические путешествия», Белорусский музей им. Ивана Луцкевича в Вильне, графическое и живописное наследие

В истории белорусской культуры личность Язепа (Иосифа) Дроздовича (1888–1954) занимает особое место. В 1910–1930-е годы он находился в эпицентре культурных событий, был включен во все самые важные процессы, которые были определяющими для национального Возрождения. Уверенно чувствовал себя в пространстве современного ему искусства, но все и всегда он делал как-то по-своему, не так, как другие. Захваченный научным исследованием Космоса, его обитателей, он и сам был немного инопланетянином. Все, что он делал, было пропитано ароматом космического, потустороннего размаха, что для белорусской культуры не характерно. Именно отсюда проистекает и феноменальность творчества Дроздовича.

Биографических сведений о Дроздовиче одновременно и много, и мало. С одной стороны, о нем была написана замечательная книга Арсения Лиса «Вечный странник» в 1984 г. (так называл себя Дроздович в поэме «Тризна прошлого»), где очень подробно реконструируется извилистая жизнь художника¹. А с другой, все, кто пишут² о Дроздовиче, вынуждены опираться преимущественно на его собственные воспоминания и свидетельства – дневники, письма,

1 Лис. 1984.

2 См. библиографический указатель (272 позиции) в: *Язеп Дроздовіч: «Прыйдзе час...»*. 2008; и книгу: *Язеп Нарцызавіч Дроздовіч. Праз цэрні...* 2014.

автобиографические очерки³. Между тем свой дневник Дроздович писал не для себя, не для детей и внуков (которых не было), а фактически для Белорусского музея в Вильне. Таким образом, нам приходится иметь дело исключительно с определенным «автомифом», «самопрезентацией».

Ранние годы

Язеп Дроздович родился 1 октября 1888 г. в застенке Пуньки на Дисенщине, на окраине Голубицкой пуци (сейчас Глубокский район Витебской области). В большой (пять сыновей и дочь) семье бедного шляхтича Нарциза Дроздовича он был младшим. Когда Язепу было два года, отец умер. Мать продала Пуньки (это место давно не существует, все, что от него осталось, – несколько изображений Дроздовича, остатки фундамента и старая липа), и семья подалась «на аренду». Беспокойная, неудобная, странствующая судьба безземельной знати: с места на место, год-два – и нужно искать и обживать новый чужой угол. Так начинались странствия, путешествия Дроздовича.

Пожалуй, биография ни одного художника не обходится без упоминания, что он чуть ли не с колыбели «потянулся» к карандашам и краскам. У Дроздовича же все началось с... шила.

«Уже 5-летним пацаном одному из братьев попортит сапожную бересту, накалывая и выдавливая на ней шилом различные рисунки, тоже делал и на лучине, на молоденьких березках», – пересказывал через много лет детские воспоминания Дроздовича его друг, художник Пётр Сергиевич (1900–1984)⁴.

В 1906 г. Дроздович поступил в Виленскую школу рисования, которую в 1866 г. организовал и до конца своей жизни возглавлял Иван Трутнев (1827–1912), академик Петербургской Академии художеств, довольно известный в то время живописец и график. Это было единственное в Северо-Западном крае Российской империи среднее художественное учебное заведение, основной задачей которого была подготовка местных молодых художников.

Однако главные впечатления Дроздовича от этих лет в Вильно были связаны не столько с занятиями в художественной школе, сколько с тем новым для него, захватывающим окружением, что тогда концентрировалось вокруг редакции газеты «Наша Нива». Осенью 1908 г. он, наконец, решился ближе познакомиться с этими людьми, принес в редакцию крохотную заметку. И она была напечатана. Его запомнили, приняли и, когда в 1909 г. возникла идея издать Первый белорусский календарь «Нашей Нивы», обложку заказали Дроздовичу. Это стало началом его творческой карьеры.

³ Дневники Дроздовича хранятся в ОР Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Ф. 2. Оп. 1, Ед. хр. 78).

⁴ Сергієвіч. 2014: 20.

Графическое наследие

Многие современники ценили Дроздовича, прежде всего, как графика. Эта часть его наследия отличалась от всего остального, созданного им, и оценивалась наиболее высоко. Фактически и первое «публичное признание» пришло к Дроздовичу как к книжному графику. Графическое наследие художника впечатляет и качеством, и многообразием, и количеством. Начинается оно от первобытного времени с серии «Типы исторических белорусских строений» каменного века. Ни одна поездка Дроздовича не обходилась без зарисовок местной архитектуры: Вильно, Минск, Мир, Новогрудок, Пинск, Гольшаны, Лида, Крево, множество разбросанных по всей Беларуси деревушек... И, как всегда, Дроздович не хотел оставаться только художником – повсюду накапливал исторические сведения, интересовался местными легендами, иногда занимался археологическими опытами.

Многое из того, что успел зафиксировать художник, уничтожено, разрушено, видоизменено. Но, даже если отдельные здания остались нетронутыми, общий вид местности сегодня изменился до неузнаваемости. Наверное, нигде – ни в Минске, ни даже в Вильно, ни в других местах – не осталось тех пейзажей, которые видел и рисовал Дроздович.

Были многочисленные графические портреты как исторических личностей, так и современников. Сохранилось немало аллегорических, фантазийных композиций. Наконец, есть множество графических зарисовок из астральных путешествий...

Как ни странно, география путешествий Дроздовича очень ограниченная. По жизни он избегал далеких земных расстояний, не стремился в экзотические зарубежные страны, которые манят разнообразием впечатлений (естественно, если не считать полеты в космос, которые с определенного времени совершал почти каждую ночь). Всегда возвращался в родные места. Художник не решался слишком отдаляться от своей Дисеншины. Его привлекали другие пути, и, кажется, самые извилистые маршруты, как и все мы, он проложил внутри самого себя.

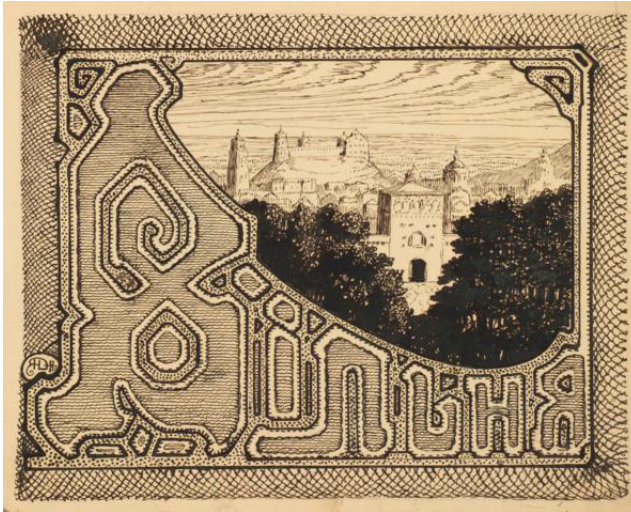
Пожалуй, лишь однажды судьба забросила Дроздовича сравнительно далеко: в 1910 г. его мобилизовали на военную службу – Саратов, Вольск на Волге, Павловское под Вышним Волочком, а еще Казань, Уфа, Иркутск... Сначала Дроздович служил простым солдатом, а с 1913 г., окончив соответствующие курсы, – военным фельдшером. О том, что значит быть фельдшером в армии особенно во время Первой мировой войны, ярко свидетельствует диагноз «неврастения», поставленный Дроздовичу в 1917 году.

В 1919 г. пришло известие о создании БССР, Дроздович направляется в Минск. Но уже через год вдохновение, с которым он приехал, иссякло. И дело тут, наверное, не только в бытовых трудностях (безденежье и голод, сундук

вместо кровати и шинель вместо одеяла). Дроздович никогда не был избалован роскошью и, окончив педагогические курсы в конце 1920 г., возвращается на Дисненщину. Белорусская школа, которую он открыл в деревне Столица, через месяц была закрыта властями. И через много лет он с грустью вспоминал тот свой недолгий опыт: «жалели родители, и плакали дети – ничто не помогло... А учились по моей личной разработке “без страха и наказаний”, а на понимании того, что есть хорошо и плохо, красиво и некрасиво. Как ни странно! <...> слушались меня не как “господина” или “господина учителя”, а как “дядьку учителя”»⁵.

Виленский период

Определяющим годом в жизни Дроздовича стал 1921 год. В это время в Вильно усилиями историка, литературоведа и политика Антона Луцкевича (1884–1942) на основе коллекции его преждевременно умершего брата, общественного деятеля и ученого Ивана Луцкевича (1881–1919), и некоторых других коллекций был создан Белорусский музей. Это было самое богатое (тысячи единиц) хранилище разнообразных материалов по истории и культуре Беларуси. В экспозиционных залах, библиотеке и архиве в здании бывшего Базилианского монастыря по улице Остробрамской, 9 хранились археологическое и нумизматическое собрания, коллекции живописи (в том числе иконы), скульптуры и графики, старинного оружия, одежды и образцов ткачества (в том числе слуц-

Язеп Дроздович. Альбом «Вільня». 1930. НХМ РБ
Jazepas Drodzovičius. Albumas „Vilnius“. 1930. BRNDM

ких поясов), музыкальных инструментов, рукописных и старопечатных книг и др. Коллекция непрерывно пополнялась: люди, как и Дроздович, вдохновленные открытием этого музея, приносили и присылали туда художественные произведения, книги, исторические сведения. Когда в 1944 г. было принято решение о ликвидации Белорусского музея имени Ивана Луцкевича, все экспонаты были разделены на группы,

⁵ Дроздовіч. 2014: 489.

большинство из них (которые «имеют определенное отношение к истории Литвы» и те, что якобы «не имеют отношения ни к белорусской, ни к литовской истории») остались в Вильно, меньшинство – попало в Минск. Например, все тексты с документацией «космических путешествий» Дроздовича хранятся сейчас в Центральной Библиотеке Врублевских Академии наук Литвы.

Язеп Дроздович. Рисунок из альбома «Вильня». 1930. НХМ РБ
Jazepas Drozdovičius. Piešinys iš albumo „Vilnius“. 1930. BRNDM

В это же время Дроздович первый раз в жизни был арестован, три дня просидел в участке за «контрпропаганду» во время переписи населения, когда из здешних пытались делать поляков.

В Вильно работалось плодотворно. Он много рисовал, а также увлекся литературным творчеством. Взялся за историческую повесть «Городольская пуца» о старинных обитателях Полоцкого края (рукопись хранится в отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси). В коллекции графики в Национальном художественном музее Республики Беларусь находятся альбом и иллюстрации к повести.

А в 1923 г. под псевдонимом «Иосиф Нарцизов» вышло первое литературно-художественное произведение Дроздовича с собственной иллюстрацией на обложке. Это был юмористический рассказ «Большая шишка» о жизни студентов художественного училища, который должен был быть первой частью повести «Сумасшедший без безумия», но остался единственной.

Одним из первых подарков Белорусскому музею стали серии графических работ (образцы старинной архитектуры и портреты полоцких князей: Рогволода, Всеслава Чародея, Брачислава и др.). Так или иначе, с этого времени Дроздович снова и снова появлялся в Белорусском музее. Передавал туда все сделанное и благодаря этому его наследие 1920–30-х годов, в отличие от ранних произведений и послевоенных, неплохо сохранилось. Это были живописные и графические произведения, фольклорные записи, разнообразие заметки, результаты собственных археологических раскопок и др. Увлечение Дроздовичем историей Беларуси воплотилось во множестве произведений – и графических, и живописных, и литературных.

Живописное наследие

Живописное наследие художника количественно уступает графическому. Насколько можно понять, к его живописи иногда относились достаточно скептически, особенно в профессиональной художественной среде. К примеру, в 1938 г., когда журнал «Колосья» отметил 50-летний юбилей художника (что очень его обрадовало, ведь сколько уже лет он считал себя отвергнутым), его друг Пётр Сергиевич в своей полностью панегирической статье все же не удержался от следующего пассажа: «Дроздович вначале своей жизни штудировал живопись, но не проявил себя в этой области. Цвет и форма не скристаллизовались у художника; его интересовала символика как тема, но не симфония красок».

Возможно, причина в том, что в отличие от графических работ, большинство которых выполнено в строгом соответствии с «классическими стандартами», живописные полотна Дроздовича всегда балансировали на шаткой грани меж-

ду профессиональным и инстинктивным, наивным искусством. Подобного рода «пограничные» феномены иногда могут смущать, ставить в тупик, могут и попросту раздражать, так как не вписываются ни в какие системы координат.

Но именно эта «пограничность», особенная харизматичность, «несовершенство» этих произведений привлекает и завораживает. И сегодня живопись Дроздовича вызывает не меньший интерес, чем его графика...

В своем творчестве Язеп Дроздович с легкостью углублялся в прошлое или улетал в космические пространства, события «здесь и сейчас» казались ему гораздо менее интересными для художественного воплощения. Но всегда он сохранял реалистический принцип, метод воплощения, точность и скрупулезность передачи деталей.

1921 годом датирована и самая знаменитая живописная картина Дроздовича «Погоня», или

Язеп Дроздович. Пророк. 1931. НХМ РБ
Jazepas Drozdovičius. Pranašas. 1931. BRNDM

«Погоня Ярилы», которую можно считать непосредственной (хотя и воплощенной в аллегорической форме) реакцией художника на события современности. Произведение было создано вскоре после подписания в 1921 г. Рижского мирного договора, который должен был остановить Польско-советскую войну. Как известно, это соглашение, заключенное между Польшей, с одной стороны, и РСФСР и Украинской ССР – с другой (без непосредственного участия белорусской делегации), определило советско-польскую границу. В результате Рижского договора Западная Беларусь оказалась в составе Польши.

«Погоня Ярилы» плотно насыщена символическими образами, и далеко не все они настолько прозрачны, как принято считать. С левой, объятай мраком стороны – изображение огромной крылатой твари (дракона), которая вцепилась когтями в земную полусферу. Мы видим только часть этого существа. Зло на картине Дроздовича безликое, слепое, оно непостижимо. На бой с кошмарным драконом летит языческий бог солнца Ярило, которого художник изобразил в виде всадника с герба «Погоня». Только в руке у него не меч, а факел.

Этот воин будет побеждать зло не оружием, а светом. Художник четко обнаруживает здесь свои убеждения: он не раз высказывался о бессмысленности войн, положить конец которым может только просвещение.

На переднем плане – два каменных надгробных креста. Рядом с одним из них – череп в золотом венце, богато отделанный драгоценными камнями, и кувшин с сокровищами. Это символ былого

величия предков. Язеп Дроздович. Погоня. 1921. НХМ РБ
Jazepas Drozdovičius. Vytis. 1921. BRNDM

Второй крест наклонился. На нем выбита надпись: *VIVAT ALBARUSSIA LIBERTA* (Да здравствует свобода Беларуси).

Все эти образы-символы достаточно понятны, «читаемы». Самое загадочное в этой картине – изображение заднего плана. Прекрасный город, чем-то в своем очертании напоминающий Вильно, приютился в тени кроваво-красного, высокого, грандиозных размеров, то ли какого-то необычного храма, то ли дворца, то ли оборонительного замка с возвышающимся крестом. И, наконец, образ, который обычно остается незамеченным: на темном фоне чуть очерченный силуэт, фактически огромная черная тень, тусклым светом горят глаза. Ровно посередине призрачного облика красный крест то ли перечеркивает образ, то ли служит защитой, то ли является определенным знаком...

В Вильне Дроздович жил на улице Виленской, в доме № 12, где вскоре разместилась редакция газеты «Наш флаг» (леворадикальное белорусскоязычное издание Западной Беларуси). Дроздович – в центре белорусского движения, вокруг редакции концентрировались выдающиеся деятели: Симон Рак-Михайловский, Бронислав Тарашкевич, Игнат Кончевский, Владимир Самойло, Максим Горецкий; близкие друзья: Янка Пачопка и Антон Гриневиц. Нередко были и заказы: например, среди всего прочего художник оформлял сборник «Западная Беларусь». Дроздович продолжает собирать этнографические материалы для Белорусского музея, отправляется в командировку от Белорусского научного общества. Параллельно занимается педагогической деятельностью. Ведет художественную студию при Виленской белорусской гимназии. Преполагает в Радошковичской белорусской гимназии имени Франциска Скорины, потом – учитель рисования в Новогрудской белорусской гимназии.

В БССР в это время разворачивалась белоруссизация, и Дроздович пристально следил за происходящем. С 1926 г. он наладил постоянные контакты с Минском, прежде всего с Институтом белорусской культуры.

Космология

В 1930-е годы с заработком у Дроздовича становится туго, и как всегда, такая тяжелая социальная ситуация парадоксальным или, возможно, закономерным образом дает уникальный результат. Безработный художник, наконец, получает достаточно времени, чтобы полностью окунуться в заветное, что давно притягивало его. Он заглянул в Космос – и Космос заглянул в него. Это, безусловно, дало исключительный для белорусской культуры результат. Дроздович был убежден, что наделен даром ясновидения. И с такой же легкостью, с которой он обращался в далекое прошлое своего края, он погружался и в космические просторы.

Полуголодный, иногда больной, не имея ни приличной одежды, ни исправной обуви, он изо дня в день сидел в библиотеке, жадно поглощая всю астрономическую

литературу, которую можно было добыть. А после возвращался на свой тесный холодный чердак в деревянном доме в виленском предместье Липовка и погружался в волшебные (сомнамбулистические) сны, отправляясь в «астральные путешествия». Он странствовал на далекие звезды и планеты – Луну, Марс, Сатурн, Венеру, видел прекрасной красоты пейзажи, рассматривал невероятные растения, животных, посещал неведомые страны, города и наблюдал жизнь местных жителей. Утром он скрупулезно, до мелочей, записывал, документировал все увиденное и в дневнике, и в специальных тетрадах, сшивая их потом в альбомы. Также делал зарисовки – карты отдельных космических местностей, ландшафтов, архитектуры, изображения растений, животных и инопланетян. Некоторые из этих графических листов позже превращались в живописные полотна.

О своих ночных полетах в космос, астральных путешествиях он оставил десятки свидетельств, это живопись, графика, тексты. Беспрецедентность этой части творчества Дроздовича заключается еще и в том, что он придавал этим зарисовкам и заметкам о космических путешествиях не только и даже не столько художественное значение, а прежде всего научное. Он писал: *«Делаю это не ради развлечения и тщеславия, а ради науки. Кто этому не верит, пусть проверит через телескопы, и я уверен, что большинство того, что мной описано, увидят как на ладони»*⁶. Правда, иногда Дроздович высказывал предположение, что наблюдает не современную жизнь на посещаемых планетах, а будущее. Например, на Луне он видел две вальяжные компании землян-туристов, которые прилетели, чтобы осмотреть цирк Платона. Он даже допускал мысль, что некоторые из увиденных им обитателей Луны – не «аборигены», а колонисты с Земли.

Каждый раз, возвращаясь из своих астральных путешествий, Дроздович перелистывал книги по астрономии, изучал фотографии планет (в то время уже были, например, достаточно четкие фотографии Луны). Обычно художник убеждался, что все увиденное им – не бред: *«Оказалось, что все то, что видел через сомнамбулистические видения, – на фотографии есть точь-в-точь. Теперь я твердо верю, что большинство видений моих – это не плод фантазии, не самообман, а настоящий дар ясновидения»*⁷. То и дело приходилось вносить небольшие топографические коррективы: плюс-минус пару градусов географической широты или долготы. Случалось, Дроздович некоторое время не мог разобраться, где именно находится то, что он видел. Так было, например, с лунным городом Ариполисом. Художник точно знал, где находится страна Ария, но в какой ее части находится тот город – никак не мог понять: *«Я уверен, что он там есть и такой же, каким я его видел, но надо его найти...»*⁸.

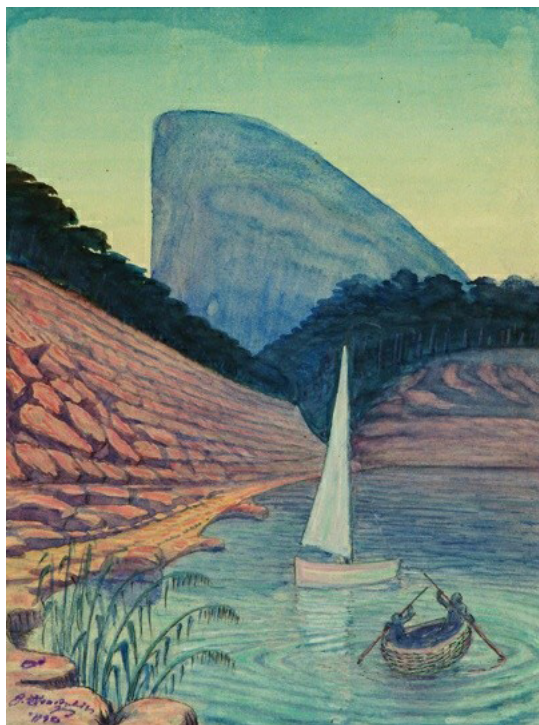
6 Дроздовіч. 1991: 118.

7 Дроздовіч. 2014: 397.

8 Там же.

Как подобает ученому, который документирует собственные исследования, Дроздович добавлял к своим космическим зарисовкам многочисленные объясняющие подписи. Они есть и в графических альбомах, и на живописных полотнах на обороте холста. Это совершенно уникальное зрелище, когда оборот картины представляет из себя самостоятельное произведение (как, например, полотно «Тривеж» – панорамное изображение города на Луне): тут и каллиграфически выполненный красной краской комментарий, и разноцветные карты Луны и самого города, которые позволяют понять, где именно находятся обнаруженные объекты.

И все исследователи, которые обращались к этим изображениям, чувствовали определенную фрустрацию: локализацию объектов Дроздович обозначил чрезвычайно скрупулезно, но их назначение, сущность оставались непонятными. Очевидно, подсказку нужно было искать в текстах художника – записках, которые он делал после своих астральных путешествий. Проблема, однако, заключалась в том, что, когда в 1940-е годы был ликвидирован Белорусский музей в Вильно, часть коллекции попала в Минск, в том числе многие графические и живописные произведения Дроздовича, а часть осталась в Литве (среди прочего – и

Язеп Дроздович. Ночь на Марсе. Один из уголков Тирренского моря. Из серии «Жизнь на Марсе». 1932. НХМ РБ
Jazepas Drozdovičius. Naktis Marše. Vienas iš Tirreno jūros kampelių. Iš serijos „Gyvenimas Marše“. 1932. BRNDM

ряд текстов художника). Получилось так, что в Минске (в Национальном художественном музее, Национальном историческом музее, Музее древнебелорусской культуры при Национальной академии наук Беларуси и т. д.) хранится определенное количество достаточно таинственных произведений Дроздовича, а ключи к этим загадкам находятся в Вильно (преимущественно в отделе рукописей и редких книг Библиотеки Врублевских Академии наук Литвы). Это целая стопка тетрадей и две специально переплетенные рукописные книги с искусно отделанными художником переплетами – «Жизнь на Марсе» и «Жизнь на Сатурне».

Естественно, эти тексты впечатляют даже безотносительно к соответствующим живописным и графическим работам. Они абсолютно феноменально нетрадиционные. По заголовкам и на первый поверхностный взгляд они

формируют у читателя определенные предчувствия. Читатель надеется на что-то вроде научной фантастики, а значит – на остросюжетный, динамичный, захватывающий рассказ с чрезвычайными головокружительными приключениями. Но в этих текстах нет никакого сюжета, а единственное приключение, которое здесь происходит, можно назвать «приключением созерцания». Тексты гипнотизируют, полностью затягивают в вязкое медитативное течение. Они магнетически воздействуют на читателя: длинные, растянутые, извилистые, местами почти «непролазные» предложения, убаюкивающие повторы слов, нагромождения, нанизывание друг на друга причудливых эпитетов.

Дроздович ставит перед собой задачу задокументировать, детально зафиксировать до малейших мелочей все, что увидел во время своих путешествий. Иногда даже создается впечатление, что эти заметки он делает исключительно для себя самого, чтобы после зарисовать все увиденное. Но есть определенные детали (например, подстрочные

Язеп Дроздович. На экваторе. Академия. Марсианская школа под открытым небом. 1932. НХМ РБ

Jazepas Drozdovičius. Ekvatorius. Akademija. Marsiečių mokykla po atviru dangumi. 1932. BRNDM

Язеп Дроздович. Вид под кольцом на планете Сатурн. 1931. НХМ РБ

Jazepas Drozdovičius. Vaizdas po Saturno žiedu. 1931. BRNDM

примечания), которые свидетельствуют о том, что эти записи были рассчитаны на читателя, что Дроздович надеялся даже на их публикацию.

Имея самостоятельную ценность, эти тексты к тому же позволяют более точно атрибутировать живописные и графические работы Дроздовича, расшифровать значение отдельных изображений. Вот, например, город Тривеж на Луне. Дроздович посещал его не раз, составил несколько карт города и его окрестностей, а также сделал ряд зарисовок. На большом живописном полотне 1932–1933 годов и графических рисунках в альбоме описаний жизни на Луне мы видим три высокие крутые башни в центре города (отсюда и его название). Больше всего они напоминают величественный храм. Так думал и Дроздович, раз за разом пытаясь попасть внутрь сооружения. Наконец ему это удалось: художник оказался в одной из башен. Но вместо богато украшенного храмового интерьера он увидел, что там *«на каких-то стеллажах лежали в беспорядке разложенные, порыжевшие наполовину, истлевшие черепа человеческих голов, а под ними и у их останков другие неотллевшие кости»*⁹. Три эти башни не храм, а некрополь, усыпальница.

А вот живописное изображение кроваво-красного куба на одном из колец Сатурна (1931). С правой стороны вверху сооружения – крохотное окошко. Дроздович витал над зданием, не решаясь заглянуть внутрь. Ему страшно. Кажется, он увидит там ужасное зрелище, подобное инквизиции (тюрьме): *«Горят раскаленные*

Язеп Дроздович. Тривеж. 1932–1933. Вильнюс. МДК НАНБ

Jazepas Drozdovičius. Trivežas. 1932–1933. Vilnius. BNMA BSKM

9 Рукопись Дроздовича «В стенах Тривежа». ОР БВАНЛ. Ф. 21, Оп. 1. Д. 104.

печи, висят цепи с наручниками и ошейником, стоят набитые железными шипами ловушки, накаляются в тех печах железные клещи, железные перчатки и испанские сапожки, вращаются зубчатые костоломные машины да много другой «высокой техники» древнейших времен»¹⁰. Наконец Дроздович осмеливается, подлетает к окошку и заглядывает в него. То, что он там увидел, вызвало у него облегчение: «И что же я там увидел?! А ровно, что и ничего, – помимо выглядывающих через окошко, взирая вверх, на небо, на котором светились солнце, пары крупных и круглых безбелковых глаз из темноты, – ничего ровно не увидел»¹¹.

Как многое в ночных путешествиях, это зрелище остается для Дроздовича загадочным, кое-что из того, что он видел, художник не мог объяснить даже сам себе (ярчайший пример – графический лист 1932 г. под названием «На станции Agiapolis... Перроны и что-то непонятное»). В случае с Сатурном ему помог его друг Янка Пачопка, который также увлекался астрономией. Выслушав рассказ художника о красном кубе, он объяснил: «Да это же древнейшего типа бестелескопная астрономическая обсерватория с квадрантом <...>. Вот через это окошко, что в стене, они смотрят на небо»¹².

Язеп Дроздович. Обратная сторона картины «Тривеж». МДК НАНБ Jazepas Drozdovičius. Antra paveikslo „Trivežas“ pusė. BNMA BSKM

Язеп Дроздович. Астран. Обсерватория. 1931. НХМ РБ Jazepas Drozdovičius. Astranas. Observatorija. 1931. BRNDM

¹⁰ Рукопись Дроздовича «Жизнь на планете Сатурн». ОР БВАНЛ. Ф. 21, Оп. 1. Д. 109.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Иногда изображения космических ландшафтов художника создают мрачно-тревожное впечатление прежде всего потому, что он не так часто заселяет свои живописные полотна и графические листы живыми существами, пространство остается пустынным, необитаемым, словно после какой-то грандиозной катастрофы. Мы видим только величественные природные явления и архитектурные сооружения. Немногочисленные исключения – картины вроде «Сатурнянки осматривают свои зимовочные пещеры», «Встреча весны на Сатурне». Это многоцветный уютный мир, где инопланетяне несмотря на то, что имеют безбелковые глаза, справляют свои ритуалы и почему-то очень напоминают белорусов. Из заметок Дроздовича мы можем узнать, что на картине «Вечер в пустыне на Марсе» трое странноватого вида «аквалангистов», устало идущие к небольшому сооружению, – марсианские каменорубы.

В отличие от картин тексты Язепа Дроздовича впечатляют разнообразными формами жизни, которые он наблюдал на посещаемых планетах. Инсекты, птицы, животные. И, естественно, более или менее человекообразные существа. Дроздович с наблюдательностью антрополога выделяет отдельные расы инопланетных обитателей, документирует их специальные характеристики (внешний вид, построение скелета и др.). Он с бдительностью этнографа фиксирует особенности их быта, одежду, хозяйственные заботы и особенности отделки их жилища. Например, луниды-антропоиды и луниды-химероиды, марсиане краснокожей и белокожей расы, верблюдостраус и т. д.

Практически всегда он остается для жителей посещаемых планет незамеченным – беспристрастным наблюдателем, объективным исследователем. Один из немногих случаев непосредственного «контакта» с инопланетянами – встреча с юной сатурнянкой. В рукописной книге «Жизнь на Сатурне» Дроздович не жалеет слов, чтобы описать красивое лицо этой девушки. Несмотря на восторг, он пристально записывает, что у нее не только безбелковые глаза, но и абсолютно неподвижные веки, к тому же она не имеет ушей. Художник делает вывод, что сатурняне не имеют ни слуха, ни речи, но общаются не как глухонемые, а каким-то магнетическим способом, глазами. Между тем Дроздович четко осознает, что девушка видит его, но не боится: он, скорее, кажется ей забавным по причине того, что на ногах у него штаны (сатурняне не носят брюк) и он имеет уши.

Притом все увиденное на других планетах подозрительно напоминает Дроздовичу Беларусь. По крайней мере все сравнивается с окружающими белорусскими реалиями: природные условия на Сатурне и Марсе, космическая архитектурная экзотика, образ жизни и даже анатомические особенности скелета местных жителей. Иногда, например, мы можем встретить рассуждения о том, что *«наш салат, хрен, редис и репа, лук и другие корнеплоды могли бы акклиматизироваться, будучи завезенными на Луну»*¹³.

¹³ Дроздовіч. 2014: 398.

В 1931 г. Дроздович опубликовал научную брошюру «Небесные беги» – издание с собственноручными линогравюрами. Книга начинается трогательным посвящением, которое и объясняет ее название и позволяет в некоторой степени понять, откуда у Дроздовича взялось его, на первый взгляд, экстравагантное увлечение: «*Работу мою эту – преданно работающим ради наук – для хорошего использования, а родителям моим – Нарцизу, который при жизни своей любил беседы о планетах, и матери Юзефе, от которой не раз приходилось слышать: «Учись и узнай Небесные беги», – на светлую память им посвящаю*»¹⁴.

Наука в 1930-е годы не знала, что Космос необитаем, считалось, что на других планетах есть жизнь, только в других условиях. Более глубокое изучение космоса началось уже в 1950-е годы. Дроздович не дожил до того момента, когда человек полетел в космос. В 1954 г. сельчане нашли Дроздовича в бессознательном состоянии на дороге. Завезли в ближайший госпиталь. Оттуда вечный странник, не приходя в сознание, отправился в свое последнее Путешествие. В официальных документах было написано: «*Дроздович Иосиф, пол мужской, национальность – белорус, место смерти (и проживания) – селение Пуньки Голубичского сельского совета, профессия – некооперированный кустарь, возраст 65 лет, умер 15 сентября 1954 года. Причина смерти – рак желудка*»...¹⁵

Заключение

Естественно, во многом его гипотезы, изложенные в книге, противоречили тогдашним (и сегодняшним в том числе) научным представлениям. Например, хотя еще в XIX в. было установлено, что кольца Сатурна не являются сплошной поверхностью, а состоят из множества отдельных мелких частичек, но Дроздович придерживался иного мнения. Он считал, что в кольцах Сатурна имеются и «разрозненные обручи», и «сплошные», притом на последних должна быть «нормальная жизнь, многим похожая на нашу земную» (что она там есть, он видел собственными глазами во время своих ночных путешествий и оставил об этом нам многочисленные свидетельства).

Зимой 1931–1932 годов он написал работу «Гармония планет солнечной системы». Рукопись прислал в Минск, в Академию наук. Надеялся, что работа будет опубликована, однако надежды были напрасны. Но и тогда, и позже он считал именно эту работу и все то, что в его творчестве было связано с Космосом, главным делом своей жизни.

С 1933 г. художник поселился у старшего брата Константина, занимался резьбой по дереву. Мастерил специальные посохи с изображениями людей и животных, сундучки (вырезал, например, богато украшенный ящичек для своего

¹⁴ Дроздовіч. 1931: 2.

¹⁵ Майсяёнак. 2014: 47.

дневника), табакерки. Вырезал фигурки Богоматери, святых, ангелов. Делал и барельефные портреты матери, братьев, друзей – Янки Пачопки и Антона Гриневича. Иногда переносил на дерево, превращал в барельеф собственные рисунки. В это время Дроздович часто и подолгу гостил в окрестных деревнях, у друзей-соседей: у писателя Михаила Машары и Янки Пачопки, благодаря которому Дроздович увлекся созданием настенных расписных ковров – «малыванак». Это было хорошим источником заработка.

Его дневники 1930-х переполнены упоминанием о путешествиях из деревни в деревню, где художника с нетерпением ждали заказчики (кроме ковров, иногда просили нарисовать портреты хозяев, пейзажи или украсить орнаментом мебель). В дневниках он неоднократно упоминал, что работает не только ради куска хлеба, а для «развития в народе художественного, эстетического чувства». Со временем он начал называть сам себя «народно-крестьянским художником». Ему нравилось знакомиться с новыми людьми, посидеть за семейным столом, рассказать что-либо и послушать других. В его дневнике есть упоминания типа: *«В том доме, где остановился, набралось много интересных местных крестьян, стариков, мужчин и подростков, которые забросали целым рядом научных вопросов и преимущественно из звездно-космической... Что такое небо? Как оно устроено, и почему Луна меняет свою форму? Как держатся на небе звезды, почему они светятся и к чему они прикреплены? <...> А есть ли там на них какая жизнь, и живут ли на них люди?»*¹⁶. Подобные разговоры Дроздович считал очень важной частью своей работы. Так, подводя в дневнике результаты 1934 г., особо отметил проведенные им «около полусотни моделированных лекций по астрономии». Художник выработал даже специальную «методику преподавания». Рассказывая, например, о фазах Луны, зажигал на столе лампу, расставлял посреди дома нескольких слушателей и ходил вокруг них, держа в руках какой-нибудь круглый предмет (тыкву или клубок ниток)...

С кем только не сравнивали Дроздовича: то с Леонардо да Винчи, то с Чюрленисом, то с Рерихом, но все эти сопоставления кажутся не очень убедительными. Пожалуй, надо признать, что ничего подобного до Дроздовича не было никогда и нигде.

И естественно, в Беларуси должен быть создан специальный музей Дроздовича. Задача эта непростая для осуществления. Совершенно правы те, кто отмечает, что презентовать многогранный талант мастера отдельно будет неправильным. Произведения Дроздовича (или живопись, или графика, или тексты, или научные работы) не производят головокружительного впечатления, а могут даже попросту смутить или разочаровать неподготовленную аудиторию. Справедливо замечает по этому поводу Людмила Рублевская:

¹⁶ Дроздовіч. 2014: 447.

«Личность Язепа Дроздовича можно превратить в узнаваемый бренд, для этого есть все составляющие. Но эти составляющие нужно воспринимать именно в совокупности, потому что поодиночке его наработки в разных жанрах, сферах общественной деятельности, науки не дадут такого эффекта. Изданные произведения, скажем, станут интересным артефактом, но не актуальной литературой. Уникальность личности Дроздовича именно в его универсальности, жизнетворчестве»¹⁷.

Анализ творчества Язепа Дроздовича показывает, как складывался феномен этой художественной личности. Научные знания, информация, которые были доступны Дроздовичу, давали широкий полет его фантазии. Фантазии, которая сочеталась с возможностью объяснить неизвестное как реальное и подобное земной жизни. Язепу Дроздовичу удалось создать целый космос в самом себе.

Сокращения

БВАНЛ – Библиотека Врублевских Академии наук Литвы

Д. – дело

Ед. хр. – единица хранения

МДК НАНБ – Музей древнебелорусской культуры Национальной академии наук Беларуси

НХМ РБ – Национальный художественный музей Республики Беларусь

Оп. – описание

ОР – Отдел рукописей и редких книг

Пад рэд. – под редакцией

См. – смотреть

Ф. – фонд

ВNМА BSKM – Baltarusijos nacionalinės mokslų akademijos Baltarusijos senosios kultūros muziejus

Получено 02 09 2019

Принято 14 11 2019

Источники и литература

1. Драздовіч, Я. «У мурах Трывежу». 1933 г. *ОР БВАНЛ*. Ф. 21. Оп. 1. Д. 104.
2. Драздовіч, Я. «Жыцьцё на планеце Сатурне». 1932 г. *ОР БВАНЛ*. Ф. 21. Оп. 1. Д. 109.
3. Драздовіч, Я. Дзённік, *Язэп Нарцызавіч Драздовіч. Праз цэрні да зорак: успаміны, артыкулы, прысвячэнне, мастацкія творы*. Укладанне М. Казлоўскага. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014.
4. Драздовіч, Я. Дзённік 13. 01. 1933. *Малодосць*. 1991. 5: 118.

¹⁷ Эссе писательницы Людмилы Рублевской «Вечны вандроўнік і родны кут: канфлікт архстыпаў. Штрыхі да партрэту Язепа Драздовіча», озвученное 24.04.2013 в Молодечно во время конференции, посвященной Дроздовичу. <http://krgutuka.by/by/page/works/ese-tvory/11586>

5. Драздовіч, Я. Дневники. *OP Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси*. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 78.
6. Драздовіч, Я. *Нябесныя бегі*. Вільня, 1931.
7. Ліс, А. Вечны вандроўнік. *Нарысы пра мастака Язэпа Драздовіча*. Мінск: Юнацтва, 1984.
8. Майсяёнак, А. Хвароба і скананне вандроўнага мастака. *Язэп Нарцызавіч Драздовіч. Праз цэрні да зорак: успаміны, артыкулы, прысвячэнне, мастацкія творы*. Укладанне М. Казлоўскага. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014.
9. Рублевская, Л. *Вечны вандроўнік і родны кут: канфлікт архетыпаў. Штрыхі да партрэту Язэпа Драздовіча*. <http://krytyka.by/by/page/works/ese-tvory/11586>
10. Сергіевіч, П. *Язэп Драздовіч, да 50-годдзя народзін мастака. Язэп Нарцызавіч Драздовіч. Праз цэрні да зорак: успаміны, артыкулы, прысвячэнне, мастацкія творы*. Укладанне М. Казлоўскага. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014.
11. *Язэп Нарцызавіч Драздовіч. Праз цэрні да зорак: успаміны, артыкулы, прысвячэнне, мастацкія творы*. Укладанне М. Казлоўскага. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014.
12. Язэп Драздовіч: «Прыйдзе час...». *Зборнік матэрыялаў, прысвечаны 120-годдзю з дня нараджэння мастака*. Пад рэд. М. Цыбульскага. Смаленск, 2008.

Olga Archipova

Kosminiai Jazepo Drozdovičiaus albumai

Santrauka

Straipsnyje pristatoma svarbi Vilniaus piešimo mokyklą baigusio baltarusių dailininko Jazepo Drozdovičiaus (1888–1954) kūrybinio palikimo dalis, vaizduojanti jo kosmines vizijas, įsivaizdavimą, kad ir kitose planetose yra gyvenama, tik kitomis sąlygomis. Dailininkas buvo įsitikinęs, jog turi aiškiaregystės dovaną. Nors kosmoso tyrinėjimai prasidėjo tik 6-ajame XX a. dešimtmetyje, į „kosmines keliones“ Drozdovičius leisdavosi somnambuliškuose sapnuose. Jis keliaudavo į tolimas žvaigždes ir planetas – Mėnulį, Marsą, Saturną, Venerą, regėdavo ypatingo grožio peizažus, tyrinėjo neįtikėtinus augalus ir gyvūnus, lankydavo nežinomas šalis, miestus, stebėdavo vietinius gyventojus. Kruopščiai ir smulkmeniškai užrašinėjo, dokumentavo ir piešė visa, ką regėjo. Šios Drozdovičiaus kūrybos dalies beprecedentiškumas pasižymi dar ir tuo, kad savo kosminėms kelionėms jis teikė ne tik meninę, bet visų pirma mokslinę reikšmę.

Istoriškai taip susiklostė, kad dalis dailininko palikimo liko Vilniuje, dalis pateko į Minską. Visi jo tekstai, perteikiantys „kosminių kelionių“ dokumentaciją, yra saugomi Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekoje. Tai nemaža šūsnis sąsiuvinių ir dvi specialiai įrištos rankraštinės knygos: „Gyvenimas Marse“ ir „Gyvenimas Saturne“. Jau savaime vertingi tekstai padeda ir tiksliau atributuoti Drozdovičiaus tapybos ir grafikos darbus, iššifruoti kai kurių paveikslų siužetus.

Visos Drozdovičiaus kūrybos analizė rodo, kaip susiformavo ši fenomenali menininko asmenybė. Jam prieinama informacija bei mokslinės žinios leido jo fantazijai skrieti labai toli. Fantazijai, kuri teikė jam galimybę nežinoma paaiškinti kaip realybę, panašią į gyvenimą Žemėje. Jazepui Drozdovičiui pavyko sukurti begalinį kosmosą savyje.

RAKTAŽODŽIAI: Jazepas Drozdovičius, Vilniaus piešimo mokykla, „kosminės kelionės“, Ivano Luckevičiaus vardo gudų muziejus, grafikos ir dailės palikimas

Olga Archipova

Cosmic albums of Jazep Drozdovich

Summary

The article presents a significant part of creative heritage of the Belarusian painter Jazep Drozdovich (1888–1954), a graduate of the Vilnius Drawing School, who was depicting his cosmic visions and declaring the existence of life forms on other planets, yet in other conditions. The painter was convinced that he had a special gift of clairvoyance. Although space explorations commenced only in the 6th decade of the 20th century, Drozdovich pursued his “astral wanderings” through somnambulistic dreams. He travelled to the remote stars and planets: Moon, Mars, Saturn and Venus, and saw unimaginably beautiful landscapes, explored remarkable plants and animals, visited unknown countries and cities, and observed local citizens’ lives. He accurately and meticulously documented, recorded and painted everything what he saw. A specific feature of an unprecedented nature of this part of Drozdovich’s creativity is that he highlighted not only artistic but first of all scientific value of his cosmic wanderings.

Historically, part of the painter’s heritage remained in Vilnius, the other part was brought to Minsk. All his texts revealing documentation of “cosmic wanderings” are kept in the Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences. Among them there are numerous notebooks and two bound manuscript books “Life in Mars” and “Life in Saturn”. These really valuable texts help to more specifically attribute Drozdovich’s paintings and graphics works, and to decode the scripts of some of his paintings.

The analysis of Drozdovich’s creativity reveals the patterns of development of a unique painter’s personality. The available information and scientific knowledge let his fantasy escape from reality. The fantasy which allowed him explain the unknown as a reality similar to life on Earth. Jazep Drozdovich was able to create an endless cosmos in his inner world.

KEYWORDS: Jazep Drozdovich, Vilnius Drawing School, “cosmic wanderings”, Ivan Lutskevich Belorussian Museum in Vilna, heritage of paintings and graphics art